УДК 572(091)

Глебова Елена Викторовна – гл. редактор регионального культурно-просветительского журнала «Словесница Искусств» (КГАУК «Краевое научно-образовательное творческое объединение культуры») (г. Хабаровск). *E-mail: elena.glebova@mail.ru*

Elena Viktorovna Glebova – chief editor of the regional cultural and educational magazine "SlovesnitsaIskusstv" (KGAUK "Regional scientific and educational creative association of culture") (Khabarovsk). *E-mail: elena.glebova@mail.ru*

Е.В. Глебова
E.V. Glebova

Антропологические исследования как важная часть научной деятельности В.К. Арсеньева (По материалам личного архива Д.Н. Анучина)

В статье анализируется переписка В.К. Арсеньева с выдающимся русским антропологом Д.Н. Анучиным. Обращение к архивным материалам позволяет понять, какое место в исследовательской деятельности Арсеньева занимала антропология, а также проследить, как в начале XX в. отечественная наука пополнялась новыми знаниями о коренных народах Дальнего Востока России.

Anthropological researches as an important part of scientific activity of V.K. Arsen’ev (On materials of personal archive of D.N. Anuchin)

In this article the V.K. Arsen’ev's correspondence with outstanding Russian anthropologist D. N. Anuchin is analyzed. The appeal to archival materials allows to understand what place in the Arsen’ev's research activity was occupied by anthropology, and also to see as at the beginning of the XX century the domestic science replenished with the new knowledge of indigenous people of the Far East.

Ключевые слова: *антропологические исследования, коренные народы Дальнего Востока России, Арсеньев, Анучин, архивные материалы.*

Keywords: *anthropological researches, indigenous people of the Far East, Arsen’ev, Anuchin, archival materials.*

Жизнь и деятельность выдающегося исследователя Дальнего Востока России, путешественника и писателя Владимира Клавдиевича Арсеньева (1872 – 1930 гг.), с одной стороны, достаточно глубоко изучена и описана во многих научных работах, с другой стороны, большая часть его рукописного

наследия до сих пор остается малоизвестной. Отдельные материалы были опубликованы много лет назад и за это время стали малодоступными широкому кругу исследователей. Это к примеру, такой интересный пласт, как переписка В.К. Арсеньева с крупнейшим русским ученым Д.Н. Анучиным (1843 – 1923 гг.), с чьим именем связан значительный период в развитии отечественной науки антропологии, называемый «анучинским», и во многом благодаря которому этнография и археология в начале XX в. вошли в круг академических дисциплин [1]. Эти материалы увидели свет в 1963 г. в журнале «Сибирские огни» и больше никогда не переиздавались [2].

Прошло более 60 лет, и неудивительно, что теперь эта публикация исследователям практически не известна. Кроме того, за столь серьезный отрезок времени изменились оценки ряда исторических событий, открылись новые документы и обстоятельства жизни Арсеньева, и потому обращение непосредственно к архивным источникам (в данном случае к письмам В.К. Арсеньева из личного фонда Д.Н. Анучина) дает новую возможность их анализа и осмысления, чтобы, в конечном итоге, разглядеть в портрете уникальной личности Арсеньева новые черты или сделать их более выпуклыми.

Большинство исследователей жизни и творчества В.К. Арсеньева сходятся во мнении, что спектр его научных интересов был необычайно широким – от геологии и физической географии до статистики и экономики. Но сам ученый, посвятивший в общей сложности изучению Дальнего Востока России 30 лет своей жизни, по его же собственному признанию, «центром тяжести» всей своей исследовательской работы называл этнографию. Об этом пишет А.И. Тарасова – автор самого полного биографического исследования жизни В.К. Арсеньева, обобщенного в монографию и увидевшего свет в 1985 г. [3]. Тарасова подчеркивает также, что «… заслуги В.К. Арсеньева перед русской этнографической наукой неоспоримы: он впервые дал наиболее полную и четкую картину расселения народов русского Дальнего Востока, изучил их историю, условия жизни и быта, материальную и духовную культуру», а также создал один из первых вузовских курсов этнографии дальневосточных народностей.

Не имея специального образования, Владимир Клавдиевич находился в постоянном контакте с профессионалами из той или иной области, занимался постоянным самообразованием и при этом еще обладал такими замечательными качествами, как огромная работоспособность и скрупулезность в сборе и обобщении материалов. Отсюда и максимальная достоверность собранных им сведений, точность оценок, в том числе и благодаря поддержке профессиональных ученых. Так, в самом начале своей исследовательской деятельности первые полезные рекомендации о том, как собирать этнографические сведения о коренном населении региона и описывать их образ жизни, Арсеньев получал от ботаника Н.А. Пальчевского и врача Н.В. Кириллова, которые также увлекались этнографией.

Несмотря на серьезный отрыв от научных центров России, Арсеньев внимательно изучал труды русских ученых Э.Ю. Петри, Д.Н. Анучина, Л.Я.

Штернберга, старался быть в курсе того, что происходит в отечественной науке. Позднее его научными руководителями стали петербургские ученые Б.Ф. Адлер и Л.Я. Штернберг, с которыми путешественник впервые познакомился в 1910 г. в г. Хабаровске и на долгие годы установил научный и дружеский контакт [3].

К изучению коренного населения Российского Дальнего Востока В.К. Арсеньев подходил комплексно, делая акценты не только на этнографических аспектах, но и археологических, антропологических, лингвистических. Что же касается антропологии, то впоследствии сам дальневосточный исследователь подчеркивал, что «… изучение деталей черепа приучило его к точности в словесном описании человеческого лица» [4].

А.И. Тарасова пишет, что «… занимаясь монографией об удэгейцах, Арсеньев по совету Б.М. Житкова и Л.Я. Штернберга не спешил с ней, да и сам осознавал, что в ней еще много пробелов и, в частности, отсутствуют антропологические данные. Поэтому он обращался в этнографический отдел Русского музея с просьбой поручить обработку переданных им отделу еще в 1910 г. антропологических коллекций Ф.К. Волкову, с тем, чтобы иметь описания и цифры измерений удэгейских черепов, но этого так и не случилось. Эта небольшая краниологическая коллекция из 10 черепов была изучена лишь в 1954 г. и ныне хранится в Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого» [3].

Самые первые знания в области этнографии и антропологии В.К. Арсеньев получил еще во время учебы в Петербургском юнкерском пехотном училище, где ему довелось слушать лекции известного географа, этнографа и антрополога Э.Ю. Петри и географа М.Е. Грумм-Гржимайло. Тогда же будущий исследователь Дальнего Востока России ознакомился с четвертым томом Истории русской этнографии А.Н. Пыпина, с Антропологией Л. Крживицкого, с исследованием «Якуты» В. Серошевского, с трудами И.М. Пржевальского и статьями Д.И. Шрейдера о южных районах Уссурийского края, под влиянием которых, в конечном итоге, выбрал местом будущей военной службы самый восточный регион России [4].

В 1910 г., когда В.К. Арсеньев возглавил Гродековский музей в г. Хабаровске, произошла его личная встреча с Л.Я. Штернбергом. Вместе они побывали на Нижнем Амуре и западном побережье о. Сахалина, и именно тогда дальневосточный ученый впервые познакомился с тем, как Л.Я. Штернберг и его помощники – студенты Петербургского университета – производили антропометрические измерения [4]. А в следующем году, во время своего визита в г. Петербург для участия в общероссийской этнографической выставке, организованной при Русском музее в Петербургском университете под руководством Ф.К. Волкова он сам научился производить краниологические измерения.

И все же, учитывая географические расстояния, разделявшие Дальний Восток России и столичные научные центры, невозможность частых визитов Арсеньева в гг. Москву и Петербург, на долгие годы главным каналом

совершенствования его знаний как исследователя коренного населения Приамурья оставалась переписка с ведущими учеными. Так же как Л.Я. Штернберг оказал серьезное влияние на Арсеньева и во многом сформировал его как этнографа, так и крупный российский антрополог Д.Н. Анучин в течение ряда лет выступал научным руководителем дальневосточного исследователя в области антропологии.

В науке Д.Н. Анучин для Арсеньева был несомненным авторитетом, его труды по антропологии Владимир Клавдиевич глубоко изучал. После личного знакомства в 1911 г. в г. Москве между ними (спустя время) завязалась переписка, которая продолжалась до 1917 г. [3]. Обращаясь к этим письмам из личного архива Д.Н. Анучина, который хранится в научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки, внимательно вчитываясь в арсеньевские строки, у исследователей появляется возможность увидеть, как формировался Арсеньев-антрополог. Кроме того, эти материалы дают возможность лучше понять характер Владимира Клавдиевича, который был не только неутомимым исследователем, бескорыстно служившим науке и стремившимся обогатить знания о коренных народах Дальнего Востока России новыми сведениями, но и человеком, не вполне уверенным в себе, осознававшим острую необходимость в грамотном научном руководстве, испытывавшим дефицит интеллектуального общения.

Всего в личном фонде Анучина семь писем В.К. Арсеньева, они датированы 1913, 1914, 1915 и 1917 годами и относятся к хабаровскому периоду деятельности Владимира Клавдиевича, когда он в период 1910 – 1919 гг. возглавлял Хабаровский краеведческий музей.

Самое первое письмо Арсеньева, написанное им 18 июня 1913 г., сразу определяет характер будущих отношений маститого ученого и дальневосточного исследователя, чей авторитет к этому времени был уже достаточно весом, а в творческом и научном багаже было немало серьезных достижений. Тем не менее, в этих строчках чувствуется скромность и тактичность В.К. Арсеньева, его горячее желание быть полезным науке.

«Я давно собирался написать Вам, глубокоуважаемый Дмитрий Николаевич, но немного стеснялся писать Вам пустые письма. Мне хотелось письмо прислать вслед за какой-нибудь антропологической посылкой. С этого дня я буду посылать Вам антропологические, этнографические и археологические доисторические коллекции в виде каменных топоров, стрел и ножей. Надеюсь вскоре получить достаточное количество черепов наших Приамурских инородцев» [6].

Это письмо было оправлено из г. Хабаровска в г. Москву через несколько дней после того, как В.К. Арсеньев выслал «в исключительное распоряжение» Анучина и в дар музею Московского университета антропологические материалы: два китайских скелета и два китайских черепа. Арсеньев подчеркивает, что он «отнесся к делу с крайней осторожностью», принадлежность экспонатов подлинная, потому что автор

письма хорошо знаком с похоронными традициями орочей и китайцев, и потому он «посылкой скелетов не ввел науку в заблуждение» [6].

О том, насколько было важно для В.К. Арсеньева общение с Анучиным и какие серьезные надежды он возлагал на эти контакты, становится абсолютно ясно из письма от 21 февраля 1915 г.: «… покорно прошу не отказывать письмами руководить моими занятиями, давать указания и советы, чем очень очень обяжете» [7].

Важно подчеркнуть, что еще даже во второй половине XIX в. знания о коренных народах, населявших территорию нынешних Хабаровского края и Приморья, были очень скудными, но благодаря таким исследователям, как В.К. Арсеньев, этнографическая и антропологическая науки пополнялись новыми ценными сведениями. Владимир Клавдиевич «считает за честь» пополнять центральные музеи России экспонатами, представляющими ценность для науки, чтобы, в конечном итоге, коренные приамурские этносы с их самобытной культурой заняли достойное место на большой этнографической карте России. Он направляет в адрес центральных музеев и лично Д.Н. Анучину посылки с антропологическими и этнографическими коллекциями, фотографии наиболее ценных экспонатов, которые им собраны для Хабаровского краеведческого музея.

В то же время, Арсеньев как директор Хабаровского музея всей душой радеет за него, заботится о его наполнении интересными экспонатами, с гордостью пишет Анучину о том, какие коллекции уже имеются, делится творческими планами, в том числе и теми, что касаются непосредственно антропологии. Не исключено, что стремление директора пополнить музейную коллекцию антропологическими предметами возникло под влиянием его общения с Д.Н. Анучиным.

Письмо от 21 февраля 1915 г.: «У себя в музее я задался целью собрать черепа (а если можно, то и скелеты) всех народностей, обитающих в Приамурском крае, не исключая и китайцев, и корейцев, и японцев. В настоящее время я имею полный китайский скелет, кроме того, полный скелет и два черепа (всего три черепа) негидальских с реки Амгуни. Погребение последних относится к 1895 – 1900 гг. Раскопки произведены по моей просьбе начальником Кербинской радиотелеграфной станции, г-ном Ненсбергом. Хочу просить Вас, глубокоуважаемый Дмитрий Николаевич, взглянуть на этот негидальский скелет и два черепа и высказать свое мнение» [8].

И снова – искреннее стремление В.К. Арсеньева пополнять общероссийские коллекции дальневосточными экспонатами.

«Есть ли у Вас негидальские черепа? Если угодно, один из черепов оставьте для своего музея, а скелет и другой череп верните нам в Хабаровск. Если последует Ваше согласие (можно телеграммой), я немедленно вышлю Вам их почтовой посылкой» [8].

Письмо от 10 августа 1916 г.: «[…] В текущем году зимою мною были посланы Вам две посылки с негидальскими костяками. Получили ли Вы их? Одновременно я отправил Вам и письмо. Не откажите уведомить меня

открыткой или телеграммой, дошли ли до Вас эти скелеты. Если они застряли где-нибудь в дороге, я приму меры к их розыску» [9].

Письмо от 28 января 1917 г.: «… Я очень рад, что негидальские черепа и некоторые кости скелетов дошли до Вашего музея. Сейчас я хлопочу о корейских черепах и, возможно, что достану… Буду иметь в виду все, о чем Вы пишете и постараюсь Ваши поручения исполнить» [10].

К сожалению, пока точно не известно, удалось ли Арсеньеву воплотить свою идею и собрать для Хабаровского музея антропологическую коллекцию, связанную с проживающими на территории Дальнего Востока России народами. Как удалось выяснить, сегодня в археологической коллекции Краевого музея им. Н.И. Гродекова находится довольно скромная краниологическая коллекция. В ней в том числе имеются три черепа, два из которых помечены бирками с надписями «Череп человеческий». На третьем – бирка с надписью «Череп китайский. Город Чань Чунь. Передан от В.К. Арсеньева». Кроме того, в коллекции Гродековского музея находится один скелет человека, но в сопроводительных документах информации минимум: «Найден 20 июня 1913 г. в долине реки Керби». Можно только предположить, что это тот самый негидальский скелет из погребения 1895 – 1900 гг., о котором В.К. Арсеньев сообщает Анучину в письме от 21 февраля 1915 г.

Сейчас трудно судить о том, была ли сформирована Арсеньевым коллекция антропологических экспонатов. Во всяком случае, сохранившиеся на сегодняшний день предметы впервые были занесены в коллекционную опись Гродековского музея только в 1950-е гг. Даже если предположить, что такую коллекцию Владимир Клавдиевич собрал, за долгие годы она могла быть утрачена в результате неправильного хранения.

Итак, на основании писем В.К. Арсеньева из личного архива Д.Н. Анучина можно сделать вывод, что за те несколько лет, что длилась их переписка, дальневосточный ученый приобрел достаточно серьезные знания по антропологии, которые в дальнейшем помогали ему как исследователю. Кроме того, судя по переписке с московским ученым, Арсеньев, помимо уникальных этнографических предметов, совершено бескорыстно отправил в г. Москву большое количество ценных антропологических материалов, внеся таким образом серьезный вклад в развитие отечественной антропологии и пополняя ее сведениями о дальневосточных этносах. Анучин же приобрел в лице Арсеньева надежного информанта и человека, способного выполнить самые ответственные поручения.

В письмах Арсеньева Анучину содержится масса интереснейших сведений о духовной и материальной культуре приамурских народов, об отношении ученого и путешественника к инородцам, его понимание истинной ценности их этнического искусства; в них много информации о научной и творческой деятельности Владимира Клавдиевича, его непростых взаимоотношениях с Приамурским генерал-губернатором Н.Л. Гондатти, но в данном случае нас интересовала именно та их часть, которая касается антропологии. Кроме того, анализ этого раздела эпистолярного наследия

Арсеньева дает возможность понять, как в начале XX в. формировались антропологические знания о народах Дальнего Востока России, ставшие впоследствии важной составляющей дальневосточной науки этнологии и на основе которых были сформированы представления об этногенезе коренных народов Дальневосточного региона.

Меняется время, меняются оценки исторических событий, но личность Арсеньева не теряет актуальности и по-прежнему притягивает внимание исследователей. Она столь масштабна, что всякий раз открываются все новые и новые ее грани.

Литература и источники:

1. Бунак, В. В. Деятельность Д. Н. Анучина в области антропологии / В. В. Бунак // Русский антропологический журнал. – 1924. – Вып. 3 – 4.

2. Письма В. К. Арсеньева к Д. Н. Анучину (публикация и комментарии Васиной (Тарасовой) А.) // Сибирские огни. – 1963. – № 3 – С. 181– 189.

3. Тарасова, А. И. Владимир Клавдиевич Арсеньев / А. И. Тарасова. – М. : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1985.

4. Полевой, Б. П. В. К. Арсеньев как этнограф / Б. П. Полевой, А. М. Решетов // Советская этнография. – 1972. – № 4. С. 74 – 87.

5. РГБ НИОР. – Ф. 10. – К. 11. – Ед. хр. 223 – 228. – Л. 2.

6. РГБ НИОР. – Ф. 10. – К. 11. – Ед. хр. 223 – 228. – Л. 10 (об).

7. РГБ НИОР. – Ф. 10. – К. 11. – Ед. хр. 223 – 228. – Л. 10.

8. РГБ НИОР. – Ф. 10. – К. 11. – Ед. хр. 223 – 228. – Л. 12.